

В. С. НЕЧАЕВА

Журнал
М. М. и Ф. М. Достоевских
«ЭПОХА»

1864—1865

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1975

чества; события же последнего времени, патриотическое настроение общества и великие силы народа, которые уже дают себя предчувствовать в его настоящих заявлениях, послужат твердою опорой для обсуждения вопросов внутренних»⁸.

Ф. М. Достоевский, вернувшись в начале ноября из-за границы, 10 ноября был во Владимире, где находилась его большая жена, и вскоре с нею переехал в Москву, где решил поселиться ввиду тяжелого состояния Марии Дмитриевны. Получив письмо брата, Ф. М. Достоевский тотчас откликнулся на вести о журнале, особенно на сообщение о его названии, о котором в цитированном письме М. М. Достоевский писал так: «Я, брат, решился и буду издавать «Правду». Название «Эпоха» всеми было забраковано. Никто не придумал имени новому детищу, так что я уже сам окрестил его. Всем, т. е. Разину и Страхову, понравилось. Дело уже сделано и назад не воротить». Ф. М. Достоевский, надеясь скоро встретиться с братом, так реагировал на его сообщение о названии, высказав свое отношение к будущему журналу: «Главное, чтоб не обманывали обещаниями и действительно позволили бы поскорее «Правду». Я, признаюсь тебе, не очень в отчаянии, что совсем нельзя воскресить «Время». «Правда» может произвести такой же эффект, если не больше, разумеется, при благоприятных обстоятельствах, это главное. Что же касается до названия «Правды», то, по-моему, превосходно, удивительно, и можно чести приписать выдумку названия. Это прямо в точку. И мысль наиболее подходящую заключает, и к обстоятельствам идет, а главное в нем есть некоторая *наивность*, *вера*, которая именно как раз к духу и к направлению нашему, потому что наш журнал («Время») был все время до крайности наивен и, черт знает, может быть, и взял наивностью и верой.

Обертку можно ту же, как у «Времени», чтобы напоминало собою «Время», раздел в журнале один, как в «Revue des deux Mondes», и в объявлении о журнале, на 1-ой строчке в начале фразы напечатать что-нибудь вроде: «Время требует правды... вызывает на свет правду» и т. д., так, чтобы ясно было, что это намек, что «Время» и «Правда» одно и то же». Далее Ф. М. Достоевский сообщал, что А. П. Иванову не понравилось название «Правда», и замечал: «Но ведь это страшный рутинер и даже добрый знак, что не понравилось... Что Страхову и Разину понравилось — это я понимаю. Люди с толком и главное с некоторым чутьем». 19 ноября Ф. Достоевский писал В. Д. Констант: «Дела по журналу стали страшно хлопотливы: требуют, чтобы мы изменили название *Время*. Оно положительно запрещено. И потому брат переименовал название: вместо «Времени» будет издаваться «Правда»⁹.

⁸ «Журнал Достоевского и цензура». — Сб. «Ф. М. Достоевский». Под ред.

А. С. Долинина. Л., 1925, стр. 570.

⁹ Письма, т. I, стр. 340—341.

Такое исключительное положение. Что-то скажут наши губернии. На петербургские толстые журналы подписка самая плохая. «Современник», говорят, охает. . .»

Даны были объявления о выходе «Эпохи» в «Московских ведомостях», «Голосе», «Инвалиде» и дважды в «С.-Петербургских ведомостях». «Чего же более? — писал 6 апреля М. М. Достоевский. — Причин не особенно сильной подписки должно искать не в этом, а в ее запоздалости. Публика привыкла подписываться в декабре и в январе, и уж ничем не заставишь ее изменить привычку. Впрочем, подписка еще идет, но уж не так пибко, как прежде. За две тысячи перевалило».

6 Несомненно важной причиной недостаточно успешной работы по изданию первых книжек журнала было отсутствие Федора Михайловича, прикованного к Москве тяжелым состоянием жены и смертью ее 15 апреля 1864 г. «Да, брат, и я очень ощущаю весь вред для журнала от твоего отсутствия. Ни сговориться, ни посоветоваться», — писал Михаил Михайлович 23 марта. Он пригласил авторов, читал рукописи, составлял книги журнала, боролся с цензурой, правил корректуры, которыми был «завален» и которые его «одолели», руководил финансовой и технической стороной издания.

Когда вышел номер 1—2 «Эпохи», он сообщал брату: «Нынче вышла «Эпоха». Наконец-то! Я измучился. Столько борьбы пришлось выдержать и все безуспешно. Самая патриотическая статья, самая лучшая в журнале, именно «Ряд статей. . .», не могла быть напечатана. . .»

Он ждал от брата, кроме повести, статей, надеялся на них, но Ф. М. Достоевский был лишен возможности оправдать эти ожидания. Хотя у него было много планов и он горячо принимался за их выполнение, но должен был признаться, что сделать ничего не может. 2 апреля, задерживая присылку конца повести, он так описывал свое положение: «Друг мой, большую часть месяца я был болен, потом поправился и до сих пор еще, по-настоящему, порядочно не поправился. Нервы расстроены, и сил до сих пор не соберу. Мучения мои *всяческие* теперь так тяжелы, что я и упоминать не хочу о них. Жена умирает *буквально*. Каждый день бывает момент, что ждем ее смерти. Страдания ее ужасны и отзываются на мне. . .»¹⁷

Но при всех тяжелых условиях мысль Ф. М. Достоевского все время обращалась к журналу: в письмах брату он давал советы, развивал свои соображения о новых журнальных разделах, называл темы, разбирал уже вышедшие номера журнала. (К этой его деятельности мы вернемся в следующей главе.) Похоронив Марию Дмитриевну и вернувшись в мае в Петербург, Достоевский смог активно участвовать в журнале. Книги же за

¹⁷ «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, стр. 548—552; Письма, т. I, стр. 355.